

7. Леви-Стросс К. Первобытное мышление / пер., вступ. ст. и прим. А.Б. Островского. М.: Изд-во «Республика», 1994. 384 с.
8. Леви-Стросс К. Мифологии: Человек голый / Перевод с французского К.З. Акоюна. М.: Изд-во «Флюид», 2007. 784 с.
9. Апрыщенко В.Ю. Клановая система горной Шотландии. Ростов-на-Дону: изд. Рост. у-та, 2006. 320 с.
10. The Scottish Highlanders and the Land Lawsan Historico-economical enquiry / Johr Blackie F.R.S.E. London. 1885, 215 p.
11. Зверева Г.И. История Шотландии. М.: Изд-во «Высшая школа», 1987. 208 с.
12. Малкин С.Г. Горная Шотландия конца XVII – первой половины XVIII века и романы Вальтера Скотта // Новая и новейшая история. № 2, 2010. С. 59–71.
13. Апрыщенко В.Ю. Уния и модернизация: становление шотландской национальной идентичности в XVIII – первой половине XIX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 35 с.
14. Реизов Б.Г. Творчество Вальтера Скотта. М.: Изд-во «Художественная литература», 1965. 498 с.
15. Переписка Марии Эджворт и Вальтера Скотта / М. Эджворт. Замок Рэкрент. Вдали отечества. М.: Изд-во «Наука», 1972. 350 с.
16. Скотт В. Собрание сочинений в 20 т. Т. 1. Уэверли. М.: Изд-во «Художественная литература», 1960. 639 с.
17. Гражданская и религиозная идентичность: вчера, сегодня, завтра / отв. ред. Л.М. Дробижина. М.: Изд-во «Росспэн», 2013. 483 с.
18. Бергсон А. Два источника морали и религии. М.: Изд-во «Канон», 1994. 384 с.
19. Скотт В. Пуристане. М.: Изд-во «Художественная литература», 1989. 324 с.
20. Шнирельман В.А. Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика // Теоретические проблемы исторических исследований. М.: МГУ, 1999. Вып. 2. С. 118–147.
21. The letters of Sir Walter Scott / Ed. by H. Grierson, D. Cook and W. Parker. Vol. 1–12. Vol. 3 Lnd.: Constable, 1932–37.
22. Скотт В. Роб Рой. М.: Изд-во «Дом», 1992. 215 с.
23. Пирсон Х. Вальтер Скотт. М.: Изд-во «Терра», 2003. 204 с.

**THE HISTORICAL NOVELS OF SIR WALTER SCOTT –
THE SUBSTANTIAL FACTOR IN THE FORMATION
OF SCOTTISH NATIONAL IDENTITY AT THE TURN OF XVIII–XIX CENTURIES**

© 2017

Fedorova Tatyana Alexandrovna, postgraduate student
of General History, Law and Methods of Teaching Department
Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation)

Abstract. The paper discusses the influence of Walter Scott's historical novels on the formation of national identity of Scotland at the turn of the eighteenth to early nineteenth centuries. In the current geopolitical situation, considering the growing wave of separatism, the relevance of the study of national identity formation process cannot be overemphasized. In the paper the author analyzes the historical preconditions of Scots national consciousness formation. The author also considers characteristics of historical and cultural development of the region. According to the author, James MacPherson and Bishop Percy's works were equally important for national disunity overcoming in Scotland and Britain as a whole. Particular attention is drawn to the role of Sir Walter Scott in the process of national revival in Scotland. Such novels as «Waverley», «Puritans», and «Rob Roy» introduced the general public with the mental basis of the Scottish people. Having opened national character features and religious foundations of the Scottish worldview for a wide range of readers, the author awakened the interest of the British society to the heritage of Scotland, thereby laying the basis for a successful integration of the two peoples into a single nation. Sir Walter Scott managed to revive national prestige of Scotland that had fallen victim after the signing of Union in 1707.

Keywords: highlands; Lowland Scotland; national identity; constructivism; ethnicity; religious identity; Scottish ballad; Rob Roy; Presbyterian; Glorious revolution; cycle of Ossian; Songs of Scottish borders.

УДК 94(394)

**ДУХОВНАЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТАТАР В КАЗАХСКОЙ СТЕПИ
В КОНТЕКСТЕ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII – НАЧАЛО XX ВЕКА)**

© 2017

Махмутов Зуфар Александрович, кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник отдела этнологических исследований
*Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
(г. Казань, Российская Федерация)*

Аннотация. В данной статье рассматривается духовная и образовательная деятельность татар в казахской Степи в дореволюционное время. Императрица Екатерина II положила начало массовому проникновению в Степную зону татарских мулл, которые помимо религиозной и образовательной деятельности также исполняли некоторые функции царских чиновников: вели метрические книги и гражданское судопроизводство. Татарский язык стал основным языком делопроизводства в Степной зоне. После Крымской и Кавказской Самарский научный вестник. 2017. Т. 6, № 1 (18)

воин отношение царской администрации к деятельности татарских проповедников резко меняется. С этого времени ислам и мусульманское образование в Степной зоне начинают рассматриваться чиновниками как угроза российской государственности. Царская власть ограничивает полномочия и деятельность татарских мулл, строго регламентирует и подчиняет мусульманские школы Министерству народного просвещения, делает обязательным преподавание в них русского языка. Секретные послания министра внутренних дел обязуют местную администрацию перевести все делопроизводство с татарского языка на арабской вязи на «миссионерский» казахский, основанный на кириллице, и не рекомендуют пользоваться услугами татарских переводчиков. Несмотря на изменение внутренней политики государства, татарами в Степной зоне и за ее пределами была выстроена мощная духовная и образовательная инфраструктура, которая в начале XX века включала старомодные и новомодные медресе, мечети, мусульманские библиотеки, типографии. Татарские муллы продолжали работать в казахских кочевьях, а казахи – отдавать на обучение в татарские медресе своих детей. Духовная и образовательная деятельность татар сыграла весомую роль в формировании казахской интеллигенции и привела к росту религиозности и политического сознания у обоих народов.

Ключевые слова: духовная и образовательная деятельность; история татар; Степная зона; история Казахстана; история Российской империи; внутренняя колонизация; татары; муллы; мечети и медресе; татарские библиотеки и типографии; джадидизм; Всероссийский Мусульманский съезд.

Без осмысления духовной и образовательной деятельности татар в казахской Степи сложно представить и понять не только историю формирования казахстанской татарской диаспоры, но и сложные межэтнические, межконфессиональные и межкультурные процессы, происходившие в данном регионе во второй половине XVIII – начале XX века.

Конфессиональные связи, существовавшие между татарами и казахами, изучались Г.С. Султангалиевой [1], Г.Т. Хайруллиним и А.Г. Хамидуллиним [2], А. Франком [3]; «татарским вопросом» в политике внутренней колонизации Российской империи Степной зоны занимались Ю.А. Лысенко [4], С.В. Любичанковский [5], С.В. Горбунова [6], А.В. Ремнева [7]; мусульманская инфраструктура, функционирующая в Степной зоне, становилась объектом исследований Т. Тажибаева [8], И.Р. Халитовой [9], Г.М. Раздыковой [10] и др.

Целью нашего исследования является изучение духовной и образовательной деятельности татар в Степной зоне в дореволюционное время, которая реализовывалась в правовом поле, регулируемом государством.

Присоединение в первой половине XVIII века казахской Степи к Российской империи поставило вопрос о внутренней колонизации новых земель, население которых существенно отличалось языком, религией, видом хозяйственной деятельности от основного населения страны.

В этот период времени татары в наибольшей степени подходили на роль агентов интеграции казахского населения, важнейшими каналами которой могли стать религия и образование.

В 1785 году императрица Екатерина приказала губернатору Уфы и Сибири барону Игельстрону строить в казахской Степи мусульманские мечети, способные вместить до 500 человек, при которых должны были функционировать школы, в наиболее же отдаленные районы отправлять татарских мулл «дав при посылке небольшую денежную сумму, а мере верности и тщания обнадежить и большим денежным вознаграждением» [11].

Для координации религиозной мусульманской политики в 1788 году было создано Оренбургское магометанское духовное собрание. Основная его функция заключалась в выдаче свидетельств муллам на преподавание среди казахов и распространение религиозной литературы [3]. Татарские муллы долж-

ны были заниматься не только распространением ислама и образования среди местного населения, им также поручалось вести метрические книги, наблюдать, чтобы мусульмане не занимались противозаконными действиями, рассматривать судебные дела в рамках шариата. Довольно часто они выступали в роли арбитров в разрешении споров между казахскими родами, а также между русским и казахским населением [1, с. 27]. Таким образом, муллы фактически являлись представителями царской администрации в Степи, а татарский язык стал основным языком делопроизводства на указанной территории.

Первое время царское правительство само оплачивало жалование татарским муллам, но вскоре содержание мулл полностью легло на плечи самих казахов. Тем не менее казахское население всегда достаточно охотно приглашало татарских проповедников и учителей, строя для них отдельные дома и оплачивая жалование. В городской среде содержание духовных лиц взяли на себя мусульманские общины и уже окрепшее в это время татарское купечество. Татарские предприниматели активно строили мечети и медресе в разрастающихся городах Степной зоны.

Однако после Кавказской и Крымской войн рост популярности мусульманской религии в Степном крае начинает вызывать озабоченность у государственных чиновников, она начинает рассматриваться как фактор, мешающий сближению казахов с русскими, отчуждения от Российской империи.

Генерал-губернатор Акмолинской области В.С. Цитович докладывает генерал-губернатору Западной Сибири Н.Г. Казанкову: «Будучи незнакомы с магометанским учением, киргизы (*казахи – прим. З.М.*) чужды фанатизма, легко уживаются с русскими. Охотно и с благодарностью принимают заботы правительства об обучении обоюдого пола детей русскому языку и русской жизни. Не дичатся русских обычаев и относятся к ним с уважением. Подобный склад жизни киргиз значительно облегчает задачу администрации относительно распространения между ними русской цивилизации и ручается за то, что они со временем будут добрыми русскими гражданами. Магометанская пропаганда может затруднить дело обрусения киргиз и может парализовать все благие начинания правительства... Магометанская пропаганда для Степи гораздо вреднее пропаганды какою-нибудь среднеазиатского пророка вроде Авузи Мурзамбедева. Последняя вредна преимущественно тем,

что разоряет киргизов значительными пожертвованиями в пользу святого... Магометанская же пропаганда учит киргизов считать русских гяурами, отделяться от них, уединяться в своем обществе, считать турецкого султана главою исламизма и возбуждать к нему сочувствие» [12, д. 52, л. 4–5].

Царская власть пытается всячески ограничивать влияние татарского духовенства и учителей-татар на казахов, заменяет татарский язык делопроизводства русским.

Принятое в 1868 году «Временное положение об управлении Оренбургским и Западно-Сибирским генерал-губернаторством» выводило казахское население из административно-религиозного попечения Оренбургского магометанского духовного собрания, компетенция мулл также была существенно ограничена, из их обязанностей были изъяты брачные и семейные дела.

Продолжением новой политики Российской империи явились меры, разработанные Министерством народного просвещения и утверждённые императором в 1870 году, которые обязывали лиц, желающих занять духовные мусульманские должности, знать русский язык и русскую грамоту (уметь читать и писать), а местные магометанские общества к «учреждению на собственные средства классов русского языка при мектебе и медресе с тем, чтобы в эти классы, впредь до приготовления учителей из татар-магометан, были назначаемы учителя из русских, хорошо знающих татарское наречие, с возложением на них обязанности обучать детей русскому языку, т.е. разговору, чтению и письму и началам арифметики...» [13, с. 82].

20 ноября 1874 года последовало правительственное распоряжение «О передаче в ведение Министерства Народного Просвещения Башкирских, Киргизских и Татарских школ разных наименований» [14, с. 382]. С этого времени стало невозможным без особого разрешения местных властей открывать аульные мусульманские мектебе. Главным условием функционирования школ стало преподавание русского языка, наличие учителя, освидетельствованного на знание русского языка и на лояльность правительству, одобрение программы обучения с точным обозначением пособий и руководств. Для преподавания в мектебе магометанского вероучения допускались лишь книги, одобренные цензурой, а по другим предметам – одобренные сверх того учебным начальством [9, с. 53].

Следующим шагом стал постепенный перевод делопроизводства с татарского языка на казахский на основе кириллицы. В письме Министра внутренних дел А.Е. Тимашева Господину Генерал-губернатору Западной Сибири Н.К. Казнакову от 20 января 1877 года констатируется, что «татарский язык в настоящее время – единственное средство общения между правительственными органами и киргизским народом, что нельзя не признать административной ошибкой. Именно теперь, когда еще не поздно, нужно принять все меры, чтобы удержать киргизское население от слияния с татарами, как это случилось с башкирами» [15, д. 14476, л. 6], и повелевается всю деловую переписку с казахами вести на казахском языке русскими буквами (вместо татарского на арабской вязи), а также постепенно заменить татарских

переводчиков казахами [16, д. 14476, л. 15–18]. В свою очередь, Генерал-губернатор Западной Сибири повелел Военному Губернатору Акмолинской и Семипалатинской областей проконтролировать исполнение Высочайшего повеления, а также не назначать больше на должности переводчика и письмоводителя кого-либо из татар [15, д. 14476, л. 19].

Принятое 25 марта 1891 г. «Положение об управлении Степным генерал-губернаторством» устанавливало строгий порядок строительства мечетей в Степном крае (не более одну на волость). Возведение мечетей разрешалось только с позволения Степного генерал-губернатора (в Акмолинской и Семипалатинской областях), Туркестанского генерал-губернатора (в Семиреченской области), Министерства внутренних дел (в Уральской и Тургайской областях). Мечети и школы при них должны были содержаться за счет добровольных пожертвований, дотаций из государственной казны для их функционирования не предполагалось [16, д. 1383, л. 32].

В противовес исламу и мусульманскому образованию была организована деятельность Киргизской православной миссии, задачей которой стала антиисламская пропаганда и христианизация казахов.

Также царская администрация начинает уделять огромное внимание развитию русско-казахских школ и интернатов. По составу учеников они были русско-казахскими, по программам и методике обучения – практически русскими.

С особой настороженностью царские чиновники Степной зоны встретили и появление на рубеже XIX–XX веков новометодных, или джадистских, медресе, в которых вместе с религиозными предметами велись и светские дисциплины по европейским стандартам.

В некоторых районах казахской Степи, например в Семипалатинской области, открытие новометодных медресе было вначале запрещено [17, д. 773, л. 24], в Семиреченской области вводятся особые правила их функционирования [18, с. 207].

Несмотря на ужесточившуюся регламентацию деятельности, в 1911 году в казахской Степи действовало 432 мектебе и медресе [19, с. 60]. Предпринимаемые со второй половины XIX века меры не могли существенно ослабить рост мусульманской религиозности среди казахов.

Отчеты миссионеров действующей Киргизской православной миссии свидетельствовали о продолжающемся нарастании исламской религиозности не только среди казахов, но и в ряде случаев среди русских, подчеркивая, что главную роль в этом, несмотря на все запреты, продолжают играть татарские муллы [20].

В секретных посланиях царских чиновников указывается, что «киргизы вслед за татарами теперь тоже «хотят иметь мечеть также в каждом ауле» [21, д. 938, л. 8], «паломничать в Мекку» [21, д. 3475, л. 15], а «молодые киргизы продолжают стремиться в Петропавловск для получения образования в татарских школах» [22, д. 369, л. 5].

Казахи для получения образования ехали в известные татарские медресе, находящиеся также за пределами Степной зоны. Татарские школы сыграли огромную роль в формировании казахской интеллигенции. В них получили образования такие видные

деятели казахской культуры и духовенства, как Абай Кунанбаев, Магжан Жумабаев, Беимбет Майлин, Жусупбек Аймаутов, Султанмахмут Торайгыров, Жиенгали Тлепбергенов, Науан Хазрет и др.

Подавляющее большинство книг на казахском языке было издано в типографиях Казани и Оренбурга. До начала XX в. издателями и авторами казахских книг были почти одни татары [10, с. 134].

Большую известность в Степной зоне получила также типография братьев Садика, Султана и Хасана Нигматуллиных «Ярдям» в г. Семипалатинске. В до-революционное время было напечатано более 10000 книг. Среди них сборники стихотворений казахских поэтов Т. Жомартбаева, Ш. Кудайбердиева, сочинения М. Малдыбаева, татарских – Г. Мусина, Я. Айманова [23, с. 83].

В типографиях Уральска и Троицка были выпущены первые негосударственные татарские и казахские периодические издания: «Фикёр» (Мысль) (1905), «Эль-гаср-эль-джадид» (Новый век) (1905), «Казахская газета» (1907), «Айкап» (Заря) (1911–1915).

Заметки на татарском и казахском языках печатались и в русских газетах, например в «Степях Приишимья» (г. Петропавловск), которые выходили под заголовком «Из жизни мусульман».

Для широкого распространения печатной продукции татарские купцы в таких крупных городах, как Семипалатинск, Верный, Павлодар, Петропавловск, Кустанай, Иргиз, содержали публичные мусульманские библиотеки, в которых каждый горожанин мог бесплатно читать книги и периодические издания на татарском, казахском и русском языках.

Общая духовная инфраструктура содействовала сближению татарского и казахского народов и формированию актуализированной религиозной идентичности. Лидеры исламского движения Степной зоны активно боролись за создание культурной мусульманской национальной автономии и участвовали во Всероссийских Мусульманских съездах [24, д. 57, л. 23–24]. На первом из них в 1917 г. были сформированы и общие политические структуры управления мусульман: Вакытлы Милли Идарэ (Временное национальное Правительство) и Милли Шура (Национальные Советы) губерний и местные комитеты. Однако приход к власти большевиков прервал процесс мусульманской культурно-политической интеграции.

Итак, если на начальном этапе колонизации казахской Степи (2-я половина XVIII – 1-я половина XIX века) царское правительство всячески содействовало духовной и образовательной деятельности татар, то на втором (2-я половина XIX – начало XX века) – препятствовало ей. Несмотря на противоречивую внутреннюю политику Российской империи, татарскому духовенству при помощи национальной буржуазии удалось создать в степи мощные институты, содействующие росту религиозности и просвещения не только татарского, но и казахского населения. Ислам, с одной стороны, стал важнейшим фактором противодействия аккультурации и ассимиляции двух народов с русским населением, с другой – основой интеграции казахского и татарского обществ и фундаментом создания совместной политической институции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Султангалиева Г.С. Татарская диаспора в профессиональных связях казахской Степи (XVIII–XIX вв.) // Вестник Евразии 2000. № 4. С. 20–36.
2. Хайруллин Г.Т., Хамидуллин А.Г. Татары Алматы: Билим, 1998. 128 с.
3. Франк А. Татарские муллы среди казахов и киргизов в XVIII–XIX веках // Культура, искусство татарского народа. Казань, 1993. С. 124–132.
4. Лысенко Ю.А. «Татарский вопрос» в конфессиональной политике Российской империи в Казахстане (конец XVIII – начало XX в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 3–4. С. 146–152.
5. Любичанковский С.В. Поддержка ислама среди казахов как государственная политика дореформенной России (XVIII – середина XIX вв.) // Кадырбаевские чтения – 2016: мат-лы V междунар. науч. конф. Актобе, 2016. С. 74–79.
6. Горбунова С.В. Государственная регламентация религиозной жизни казахов в Российской империи // Вестник Нижневартского государственного университета. 2008. № 1. С. 35–41.
7. Ремнев А.В. Татары в казахской Степи: соратники и соперники Российской империи // Вестник Евразии. 2006. № 4. С. 5–32.
8. Тажибаев Т. Просвещение и школы Казахстана во второй половине XIX века. Алма-Ата: КГИ, 1962. 507 с.
9. Халитова И.Р. Проблемы народного образования в Казахстане в 1867–1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1992. 174 с.
10. Раздыкова Г.М. Этнический компонент в мусульманском образовании казахов Степного края в конце XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Павлодар, 2007. 194 с.
11. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб., 1830. Т. XXII. № 16292, № 16534.
12. Центральный государственный архив Республики Казахстан (далее – ЦГАРК). Ф. 15. Оп. 2.
13. Хрестоматия по истории педагогики. М., 1936. Т. IV. 526 с.
14. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т. XXXXIX. Ч. 2. СПб., 1876. 496 с.
15. Государственный архив Омской области. Ф. 3. Оп. 9.
16. ЦГАРК. Ф. 25. Оп. 1.
17. ЦГАРК. Ф. 90. Оп. 1.
18. Храпченков Г.М. Школы Казахстана в начале XX века (1901–1917 гг.): дис. ... канд. пед. наук. Алма-Ата. 1963. 248 с.
19. Храпченков Г.М. История школы и педагогической мысли Казахстана. Алматы, 1998. 168 с.
20. Лысенко Ю.А. Степень исламизации казахского общества на рубеже конца XIX – начала XX в. в оценках миссионеров Киргизской духовной миссии // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 3–4. С. 149–155.
21. ЦГАРК. Ф. 64. Оп. 1.
22. ЦГАРК. Ф. 369. Оп. 1.
23. Каримуллин А.Г. Татарская книга начала XX века. Казань, 1974. 307 с.
24. Государственный архив Российской Федерации Ф. 1701. Оп. 1.

THE SPIRITUAL AND EDUCATIONAL ACTIVITIES OF THE TATARS IN THE KAZAKH STEPPE IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN EMPIRE'S DOMESTIC POLICY (SECOND HALF OF XVIII – THE BEGINNING OF XX CENTURY)

© 2017

Makhmutov Zufar Alexandrovich, candidate of historical sciences, senior researcher
Sh. Mardjani Institute of History of Academy of Sciences of Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

Abstract. This paper discusses the spiritual and educational activities of the Tatars in Kazakh's steppe in pre-revolutionary period. The Empress Catherine II let mass penetration of the Tatar mullahs into the steppe zone. They performed some of the functions of the tsar officials in addition to religious and educational activities. They completed parish registers and directed civil proceedings. The Tatar language became the main language of the clerical work in the steppe zone. After the Crimean and Caucasian war the attitude of imperial administration to the activities of Tatar preachers changed dramatically. Since that time, Islam and Muslim education in the Steppe zone started to be considered by officials as a threat to the Russian state. The Russian government limited the powers of the mullahs, subdued Muslim schools to the Ministry of Education and strictly regulated it, tried to introduce the Russian language into the mosques and madrasas. Minister of Internal Affairs through its secret messages made local administration offices translate clerical works from the Tatar language on Arab ligature to the «missionary» Kazakh language on Cyrillic alphabet. It was also strongly recommended to replace Tatar interpreters to Kazakh or Russian ones. Despite the internal policy of the Russian state had changed, the Tartars built powerful spiritual and educational infrastructure in the Steppe zone. At the beginning of the XX century it included the old and new madrasas, mosques, Muslim Library and publishing houses. In Muslim schools prominent people of Tatar and Kazakh culture were educated, first books and newspapers in both languages were issued in these publishing houses. The spiritual and educational activity of the Tatars played a significant role in the formation of the Kazakh and Tatar intelligentsia and led to the rise of religious and political consciousness of both nations.

Keywords: spiritual and educational activities; history of Tatars; Steppe zone; history of Russian Empire; history of Kazakhstan; internal colonization; Tatars; mullahs; mosques and madrasas; Tatar's library and publishing houses; Jadidism; All-Russian Muslim Congress.

УДК 433 (908)

ВНЕДРЕНИЕ ПРАКТИКИ ОСПОПРИВИВАНИЯ В ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

© 2017

Мифтеева Диана Маратовна, аспирант кафедры истории России
Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Российская Федерация)

Аннотация. Целью данной работы является исследование процесса внедрения профилактики натуральной оспы в Оренбургском крае в начале XIX века. Основное внимание в статье автор акцентирует на организации и деятельности образованных врачебно-вспомогательных учреждений – оспенных комитетов. Показан вклад Вольного экономического общества (ВЭО), врачей, духовенства и гражданских людей в развитие оспопрививания в губернии. На основе анализа исторических источников, представленных в Государственном архиве Оренбургской области (6 фонд «Канцелярии Оренбургского военного губернатора»), автором также была предпринята попытка выявления основных причин сопротивления населения проводимым губернскими организациями в крае профилактическим мероприятиям. При осуществлении анализа использованы хронологический, исторический, ретроспективный и проблемно-поисковый методы. Проведенное исследование показало, что в XIX веке в Оренбургской губернии, несмотря на сложную санитарно-эпидемиологическую обстановку, отсутствие лечебных учреждений и нехватку квалифицированного медицинского персонала, полноценно функционировала система вакцинопрофилактики оспы среди населения края. Начало становлению этому процессу было положено именно в начале XIX столетия. Таким образом, благодаря эффективной деятельности государственных и общественных организаций в этот период, удалось снизить общий уровень заболеваемости и смертности от натуральной оспы среди населения в Оренбургской губернии.

Ключевые слова: Оренбургская губерния; профилактика натуральной оспы; вариоляция; вакцинация; народная медицина; лекари; врачи; эпидемии; противоэпидемические мероприятия; оспенные комитеты; Вольное экономическое общество; профилактика заболеваемости; санитарно-гигиеническая политика.

В Оренбургской губернии в соответствии с указом от 3 мая 1811 г. «О распространении прививании коровьей оспы в губерниях» был создан первый оспенный комитет [1, л. 2]. В России оспопрививание пришло еще в виде так называемой вариоляции. Данный метод предполагал намеренное заражение человека более легкой формой оспы для приобрете-

ния впоследствии им иммунитета к этому заболеванию. Однако после открытия врачом из Англии Эдвардом Дженнером во второй половине XVIII века более безопасного способа иммунизации человека методом вакцинации, а именно привития коровьей оспы человеку, метод вариоляции на территории России почти не применялся.